

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2019-10431
УДК 008(091)

М. В. Новиков <https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

Т. Б. Перфилова <https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Культурно-историческая роль патриархальной семьи в трактовке Ф. И. Буслаева

Работа выполнена по государственному заданию Министерства науки
и высшего образования РФ, проект 33.7591.2017/8.9

В статье рассматривается убежденность Ф. И. Буслаева в том, что в семье формировались узловые мировоззренческие понятия, произрастала культура повседневных отношений. Контакты между супругами и поколениями родственников, выпестованными в одном доме, составляли прототип коммуникативных взаимодействий с соседями, прообраз организации родоплеменной общности. Изменения, затрагивавшие общественный быт, по соображениям ученого, сначала вызревали в семье. Это касалось, прежде всего, возникновения социальной градации. Она появилась потому, что родоначальник – старший по возрасту член семьи, выделяясь из родни «умом и познаниями», приобретал в глазах сородичей значение «первого, наибольшего, владыки». Возникшая со временем сакрализация таких лиц была инициирована самими обладателями мифологического сознания, воспитанными на вере в «чудесное»: они без труда соотносили личное нравственное превосходство прадедов, обладавших тайным – сверхъестественным по своей природе – знанием, с их божественным происхождением и без всякого принуждения обставляли их властными полномочиями. Добровольное наделение политическими привилегиями домовладык-патриархов накладывало отпечаток на создание первых образов властителей. Они в полной мере соответствовали социальным ожиданиям, так как отеческая забота о подданных, милосердие, справедливость декларировались обязательными нормами поведения князей и царей, содержательно наполняя этими этическими ценностями само понятие «власть».

Ключевые слова: консервативный социальный институт, прообраз государства, родоплеменная общность, богатство, категория «собственность», мифологическое мышление, бытовое сознание, сакрализация власти, старейший член рода, власть.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Cultural and Historical Role of Patriarchal Family in F. I. Buslaev's Interpretation

In the article is considered F. I. Buslaev's conviction that nodal world outlook concepts were formed in family, the culture of the daily relations appeared. Contacts between the spouses and generations of relatives fostered in one house made a prototype of communicative interactions with neighbors, a prototype of the organization of tribal community. The changes affecting public life, in the scientist's opinion, at first grew ripe in family. It concerned, first of all, emergence of social gradation. It appeared because the ancestor – the senior on age the family member, being allocated from relatives with «mind and knowledge», gained in the opinion of relatives the value «the first, great, lord». The sacralization of such persons which arose over time was initiated by the owners of mythological consciousness who were brought up on belief in «wonderful»: they without effort correlated personal moral superiority of the great-grandfathers possessing secret – supernatural by the nature – knowledge, with their divine origin and without any coercion gave them powers of authority. Voluntary investment with the political privileges of paterfamilias -patriarchs left a mark on creation of the first images of masters. They fully met social expectations as fatherlike care of citizens, the mercy, justice were declared by obligatory standards of behavior of princes and tsars, substantially filling the concept «power» with these ethical values.

Keywords: family – conservative social institute, a prototype of the state, tribal community, wealth, category «property», mythological thinking, household consciousness, sacralization of the power of the oldest member of the family, power.

В сочинениях Ф. И. Буслаева имплицитно проведена идея амбивалентного значения семьи для архаических и древних обществ. С одной стороны, семья выступала самым консервативным социальным институтом, потому что на нее возлагалась ответственность за сохранение и передачу культурных традиций, нравственных

ценностей, опыта предков. К примеру, в свадебных обрядах из поколения в поколение присутствовали «зацепившиеся» в памяти, хотя и утратившие первоначальные смыслы ритуалы, связанные с водой и огнем. Они акцентировали архетипические представления о нерасторжимости союза создававшейся семьи со всем природным окружением. Традиция круговых обходов брачующимися пиршественного стола, печи, дерева была «поблекшей» со временем репликой древнейших ориентационных поверий, имевших своим истоком процесс космогенеза [4, с. 204, 205, 209; 5, с. 136; 12, с. 299; 13, с. 47]. Уважение к священной старине, культивировавшееся бытовым сознанием, укрепляло фундамент национальной идентичности, предотвращало утрату цивилизационной уникальности [11, с. 655].

С другой стороны, семья, гарантировавшая преемственность духовной культуры народа, не несла ответственности за продуцирование новаций и, более того, превращалась в своеобразную экспериментальную площадку для апробирования новых социально-политических порядков, определявших историческое развитие общества. Это касалось не только формирования первых политических институтов, которые, по версии Ф. И. Буслаева, зародились в недрах семьи. Происхождение «состояний, или классов народных», если руководствоваться «наивными преданиями», тоже следует выводить из семейного лона, а точнее, из «рода-племени», обнимавшего собой все поколения родственников [9, с. 104]. При этом нисходящая линия родства, доходившая до прадеда и прабабки, заканчивалась появлением рабов, а восходящая, идущая от семьи, обособившейся из рода, напрямую была связана с появлением «благородных воинов... властителей и князей» [4, с. 161-163; 5, с. 156].

Человек с мифологическим мышлением [18, 19] не был склонен соединять зарождение имущественного неравенства с усложнением социального быта и объяснял это зло, разъедавшее привычный уклад жизни, либо коварным роком, либо божественным провидением [4, с. 156, 157; 10, с. 332; 11, с. 679].

Сам Ф. И. Буслаев, редко пускавшийся в комментарии «грубых и странных, друг другу противоречивших анахронизмами» эпизодов мифопоэтического творчества [8, с. 102, 103], выводил имущественное неравенство из уже существовавшей социальной дифференциации и синхронизировал с оформлением представлений о «собственности и владении» [2, с. 369; 9, с. 96]. На это указывал ретроспективный анализ филологических и этнографических данных, устанавливавший связь земледельческого труда со словом «богатство» [4, с. 240; 9, с. 97].

Хлебопашество считалось благородным видом деятельности и даже божественным промыслом, но трудо-

емкость, а порой и непосильность крестьянского труда зароняли в коллективном сознании сомнение в необходимости следовать беспросветной доле пахаря, склоняли миролюбивых земледельцев к освоению профессии воина в расчете на быстрое обогащение [4, с. 149, 164, 165; 8, с. 66, 68]. Появление преданий о «великом сокровище» – неиссякаемом богатстве, символе изобилия и процветания народа – также подтверждало вызревание новых жизненных ориентиров, видоизменение шкалы аксиологических приоритетов общества [4, с. 228, 239, 240].

Заостренность сознания доисторических народов, уже миновавших эпоху эгалитаризма, на обретении и сохранении богатства, овеществлявшегося сначала в участке земли – поле, а затем все более настойчиво в навязчивом стремлении обладать благородными металлами, заставила Ф. И. Буслаева даже внести поправку в археологическую периодизацию первобытной истории, добавив к трем векам (каменному, медному, железному) эволюции материальной культуры еще два века – серебряный и золотой [12, с. 570, 611].

Сосредоточение богатства в руках отдельных преуспевающих представителей «рода-племени» инициировало процесс формирования правового сознания. Рассматривая этот вопрос в культурно-историческом контексте, Ф. И. Буслаев обратил внимание на то, что «собственность» не сразу превратилась в категорию правовой мысли. Как любое другое умозрительное понятие (например, пространство или время), собственность и связанное с ней владельческое право должны были сначала получить «материальное», осязаемое воплощение. Если усадьба земледельца дала толчок к осознанию значений слов «свое» и «собственное» [2, с. 369; 9, с. 97, 99], то представление о неисчерпаемом богатстве передавалось через сопричастность к хозяину, как правило, могущественному мифологическому персонажу. «Речное пламя» карлика Андвари, «ложе, или постель, Фафнира, прах Гнигаейда, ноша, или бремя, Грани», «знаменитый клад Нифлунгов» [4, с. 228-231; 6, с. 277, 280, 281] сигнализировали владельцу мифологического мышления о том, что за этими образными формулами скрывается информация о сокровище. Опора на известные словесные штампы популярных эпических циклов ускоряла осмысление неисчислимой категории «богатство».

Кардинальные перемены, затронувшие общественный быт на изломе первобытной истории, позволили Ф. И. Буслаеву усомниться в незыблемости нравственных приоритетов доисторических народов. Исследователь обратил внимание, что «сознание народное» уже не так однозначно, как прежде, воспринимало старость. Она перестала служить синонимом мудрости, нравственной зрелости, монополии на тайное знание. Авто-

ритет и власть стали сосредоточиваться в руках исключительно эпических героев, славившихся неодолимой силой, здоровьем, богатством и божественным покровительством [11, с. 717; 12, с. 305].

Взаимоотношения между супругами и поколениями родственников, выросшими в одном доме, составляли прототип коммуникативных связей с соседями, образ организации родоплеменных взаимодействий и даже модель брачно-семейных связей в мире небожителей. Так, чистота «наивных связей семейственных», в которую верил Ф. И. Буслаев, не создавала, по его мнению, никакой потребности в появлении слов, «означающих нарушение супружеских прав», что позволило индоевропейцам перенести «любимые понятия о родстве и братстве в область религиозных поверий» [5, с. 146, 147]. Слова, означавшие родство, со временем приняли значение «понятий о членах общества», полагал он, и другого быть не могло, потому что семья «служила основой общества» [5, с. 149].

К примеру, рассуждал ученый, от понятия о старшем в семье образовалось понятие о власти: «старший, старейшина уже в древнейшую эпоху расширили свое значение до первого, наибольшего, владыки» [9, с. 102].

Эту же мысль проводит И. В. Дубровский: «Дом предстает источником власти – патриархальной власти домохозяина, подчинение которой обставлено почитанием личности ее носителя». Автор высказывает соображения о символической природе порога, крыши, очага, почти не отличимые от буслаевских, но идет дальше академика, сделав вывод: «Идея дома, важнейшего ценностного представления, обладала структурирующей силой в различных областях жизни» [15, с. 33-53]. Родоначальник, следовательно, по древним представлениям, был не только дедом, но и старейшиной. Он считался достойным хранителем предания и обычаев – всей священной старины, своими знаниями и опытом внушавшим новым поколениям родни мысль о том, «что все настоящее крепится прошедшим, что старину должно чтить свято» [9, с. 102]. Но, поскольку «все старобытное облекалось в форму сверхъестественную», каждому сородичу было «приятно видеть в своем предке существо высшее, выступающее из круга обыкновенных людей». Тщеславие перед соседями и гордость за сохраненные корни рода вдохновляли воображение потомков прадедов и стимулировали появление рассказов о «героях-родоначальниках, облеченных божественным величием» [5, с. 153].

Отсюда, из этих глубин сознания, воспитанного «чудесным», в «пастушескую эпоху» жизни славян уже могли пойти поверья о божественном происхождении домовладык: они могли происходить от «Сварожича – Солнца и Огня» и называться «внуками Дажьбога» [2,

с. 365]. В преданиях кельтских бардов, возникших значительно позже, король Артур по-прежнему чествовался как солнце, а его происхождение велось от «мифического титана и бога Утер-Пенн-Драгона» [8, с. 113].

Вообще, подчеркивал Ф. И. Буслаев, в «темные времена мифологические» было принято считать старейших членов семьи потомками богов, а иногда и «воплощенными божествами». В этом процессе сакрализации лиц, выделявшихся из массы сородичей возрастом, «умом и познаниями», ученый видел истоки начавшейся в столь отдаленные времена социальной дифференциации общества, когда обладатели тайного – по своей природе божественного – знания могли претендовать на соединение личного нравственного превосходства с политическими привилегиями [5, с. 170, 171].

Рассматривая этический аспект проблемы власти, Ф. И. Буслаев обратил внимание на то, что родственная близость первых обладателей властных полномочий с членами своей семьи предопределила специфические социальные ожидания: «любовь, милость, ласка», которыми были окружены «ближайшие родственники... первых правителей», постепенно превращавшихся в царей, сформировали эмоционально-психологический облик властителей, от которых, в первую очередь, ждали отеческой заботы о ближних, справедливости и благорасположения к подданным.

Опираясь на языкознание, Ф. И. Буслаев подтверждает это положение следующими примерами: «поскандинавски властитель, царь называется *mildingr*, от *mildr* – милостивый, ласковый; этим объясняется и у нас постоянный эпитет Владимира – ласковый» [5, с. 155].

Сравнительно-историческое языкознание дало Ф. И. Буслаеву надежную, в его понимании, аргументацию для реконструкции картины трансформации социально-политических порядков, самым непосредственным образом укоренявшихся в субординации членов семьи, их поло-ролевых функциях.

На первой ступени развития первобытных коллективов индоевропейцев, сообщал ученый, когда они еще говорили на санскрите, существовало всего три понятия, указывавших на исключительную близость членов семьи: «родитель, родительница и род: “джанак – рождающий (родитель), джана – жена, джан – рожать...” От этих слов произошли однокоренные “женых” и “жена”. В свою очередь, “с формами жен, джна родственны: готск. *kuni* (род), *quēns*, *quīnō* – жена, скандин. *kona* – госпожа... и с окончаниями *ing*, *ungr*, *ng* в значении царя, князя: древнесаксон. *kāning*, сканд. *konungr*... древненемец. *chuninc*. С этими последними одного происхождения и образования наши князь, княгыни... Потому-то и до позднейшего времени вме-

сто “жених” и “невеста” употребляются у нас князь и княгиня, хотя и у славян князь и княгиня имеют смысл вообще господина и госпожи, мужа и жены...» [7, с. 465].

Далее автор замечает: «Итак, в вышепредложенном ряде слов очевидно оказывается переход понятий от жизни семейной к общественной и государственной... Таким образом, устройство семьи язык полагает в основу устройству общественному» [7, с. 465].

Неравномерность исторического развития древних индоевропейцев проявилась в том, что немецкие племена раньше славянских «выработали понятие о жизни государственной». В «славянском языке», как и в немецком, сохранившем всю цепочку трансформаций слов, производных от корня «род», удержалось и «первобытное жених (в значении рожающего, родителя)», и «более развитое – князь (в значении жреца и властителя)» [7, с. 465], а это дает основания подтвердить выявленную на лингвистическом материале закономерность превращения семьи в прообраз будущего государства, хотя и констатировать разное время преодоления первобытного эгалитаризма у потомков древних индоевропейцев, подчеркивал Ф. И. Буслаев.

Вместе с тем исследователь должен был признать, что «все многосложное устройство государственное» невозможно «прямо... вывести из жизни семейной и отношений, ею определяемых» [5, с. 181]. Привлечение, помимо языкознания, других репрезентативных данных, к числу которых он относил «народный эпос», дало ему право обнаружить вторую причину (после сакрализации власти старейших членов рода) усложнения родоплеменных отношений. Речь идет о взаимоотношениях с соседними племенами и, прежде всего, с врагами, борьба с которыми сделала необходимым появление «героев», претендовавших на особое место в обществе.

«Наши венды, – писал Ф. И. Буслаев, – были уже врагами Одиу, с которыми вели долгую войну: память о них сохранилась в “Эдде”, где они известны под именем Ванов, полубожественных существ. Славяне-анты были известны англосаксам как великаны... И у нас чужие народы дали свое название великанам...» [5, с. 182].

Конфликты между племенами, вынужденными «защищать свое и нападать на чужое» [5, с. 193], требовали укреплять родоплеменное единство, «осуществлять... собрания разрозненных... сил, областных интересов к одному центру... Стремление к централизующей власти коренится уже в самом сознании той первобытной эпохи, которая находит себе естественное выражение в эпосе... сосредоточивающем безразличную массу верований и обычаев

к представительной власти то родоначальника, то жреца, то воеводы, то, наконец, князя» [8, с. 111].

Не решаясь на прямые исторические реконструкции только на основании сведений из былин и других историзованных сказаний, вошедших в фонд фольклорно-эпической традиции, Ф. И. Буслаев не развивает дальше свои предположения об эволюции первобытно-общинных отношений в раннеклассовое общество и государство, так как отдает себе отчет в том, что «народный эпос, живя в устах поколений в течение столетий, доходит до нас преисполненным самыми грубыми и странными, друг другу противоречащими анахронизмами. Каждое поколение, получая эпическое предание от своих предков, вносит в него намеки, а иногда и целые эпизоды из своей современности» [8, с. 102, 103]. В этом он был, вне всякого сомнения, прав.

А. Я. Гуревич, досконально изучивший «Старшую Эдду» с исторической точки зрения, указывает, что топографические и этнические координаты поэмы «крайне расплывчаты и противоречивы». Хотя отдельные факты поэмы дают основания «привязывать» сюжеты этого героического эпоса к Рейну, державе гуннов и готскому королевству, в «славном далеком прошлом» отсутствует хронологическая последовательность, и все герои существуют «в одновременности». На примере Сигурда-Зигфрида ученый показал, что попытки некоторых исследователей «нащупать» связь между этим легендарным героем и древнегерманским вождем Арминием или идентифицировать Сигурда с одним из франкских или бургундских королей VI в. неубедительны. Подвиги Сигурда – «явно сказочно-мифические, а сам он – скорее герой мифа или сказки, а не исторический персонаж», по мнению А. Я. Гуревича [14, с. 8, 9, 13].

Е. М. Мелетинский перечисляет «отголоски» исторических событий, которые можно встретить в германской и скандинавской версиях «Эдды»: гибель остготского и бургундского королевств, разгром гуннов и смерть Аттилы, основание на развалинах Римской империи германского королевства Теодориха. Обращение эпической песни к историческим преданиям как источнику, по его мнению, характеризует эпос народов, «достигших государственной консолидации». Однако интерпретация исторических событий в эпосе весьма своеобразна: межплеменные отношения показаны как «родовая распря», а родовые конфликты усложняются взаимоотношениями внутри семьи, раздиравшейся борьбой за раздел отцовского наследия.

Изучив исторические имена и факты в англосаксонской поэме о Беовульфе, Е. М. Мелетинский сделал вывод о том, что Беовульф не был королем геатов (гаутов) и не являлся исторической личностью, хотя в «историческом обрамлении»

этого героя присутствуют датские, исландские, скандинавские сюжеты. «Беовульф», по его убеждению, являлся «образцом героического эпоса, основу которого составляла... богатырская сказка» [17, с. 268, 269, 282-288].

Руководствуясь не историческими сведениями, еще крайне сомнительными даже к концу XIX в., а, как обычно, литературными и лингвистическими познаниями, Ф. И. Буслаев предпринял попытку осветить проблему возникновения социального неравенства в первобытном обществе. Для аналитических и интерпретационных операций он использовал фрагмент из «Старшей Эдды», известный как «Песнь о Риге (Rigsmall)».

Ее и известный современный историк культуры Е. М. Мелетинский отнес к «более поздней ступени мифотворчества», когда зарождается тенденция перехода от «коллективной» традиции к «индивидуальному почину, от устной формы словесного искусства – к книжной» [17, с. 189, 246, 247].

Основателем главных социальных групп скандинавского общества в этой песне назван ас по имени Риг, отождествленный с Хеймдаллем. «Этот страж зыбучего поприща, или радуги», странствуя по разным местам, встретил семьи патриархов, «от которых произошли рабы, свободные, благородные воины... властители и князья», – сообщает Ф. И. Буслаев.

В первом доме, какой оказался на его пути, он увидел сидевших у огня двух стариков, мужа и жену, одетых в рубища, – Прадеда и Прабабку (Ai и Edda). Хозяйка угостила гостя черствым хлебом и мясом теленка. После ухода гостя у стариков родился сын. Ему дали имя Раб (Thraell), «потому что кожа его была черна. Начал он подрастать, а на руках его показалась косматая шерсть. Суставы его были угловаты, пальцы – жирны и толсты, лицо – нечистое, все истрескалось, сам сутулый. Скоро привык он к труду – лыки вязать, домой таскать хворост». Такая же грубая и безобразная на вид была у него жена по имени Рабыня (Thyr). От их союза «произошел род рабов» – многочисленное убогое потомство, «жители лесов, не знающие благородного земледелия» [4, с. 161].

В другом доме, который посетил Риг, он увидел супругов, Деда и Бабку (Ari и Amma), которые были заняты делом: мужчина строгал навои, женщина пряла. Оба выглядели опрятно, их одежда была складной и нарядной. После ухода Рига в семье появился сын по имени Свободный (Karl). Он научился укрощать быков, обрабатывать поля при помощи сохи, строить дома и житницы. От брака со Снохой (Shôr) у него появилось потомство – «род земледельцев» [4, с. 162].

Третий дом, куда зашел Риг, был настоящим теремом, защищенным крепкими воротами. Хозяева, Отец

и Мать (Fadig и Môdir), накормили странника хлебом и дичью, угостили сладостями и вином. Скатерть, серебряные блюда и золотые кубки свидетельствовали об их благополучии, достатке. Женщина не обременяла себя хозяйственными заботами: она то и дело «охорашивалась» и меняла наряды; мужчина «сучил тетиву, сгибал лук и прилаживал стрелы». Когда после посещения Рига у них появился сын, его назвали Благородный (Jarl). Удел этого «юного представителя нового поколения воинственных немецких племен» состоял в том, чтобы в совершенстве владеть оружием, ездить верхом, быть непревзойденным в силе и сноровке. Для того чтобы приучить этого обладателя «воинственного и предприимчивого духа» к «высшему умственному развитию» – знанию рун, Риг снова появился в палатах Отца и Матери. Теперь перед ним стояла задача передать Благородному (Ярлю) сокровищницу народных верований и традиций, сообщить знания о собственности и наследстве, наставить в правах и обязанностях.

«Предназначение Ярля, благородного сына, как праотца благородного поколения, которое поклонялось воинственному Одину», состояло в завоевании новых земель, разделе имений, распределении награбленной добычи. Щедрый Ярль дарил людям сокровища, породистых лошадей, драгоценности.

От брака Ярля с Эрну («егн – свежий, деятельный, важный») на свет появились сыновья-воины, а младший с именем «Князя, или Короля (Konng – Konungr, Kunings)» не только освоил военные хитрости, но и преуспел в мудрости рун. Он знал руны времени, понимал язык птиц, умел укрощать огонь и море, исцелял недуги. Когда в споре с Ригом Князь одержал победу, ему самому дали имя «Риг – знающий руны» [4, с. 162, 163].

При комментариях «Песни о Риге», важной для понимания представлений создателей «Старшей Эдды» о происхождении «состояний, или классов, народных» [4, с. 161], Ф. И. Буслаев не отступает от выводов, изложенных в его магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык». Их суть сводится к тому, что «наивные предания всех народов» производят из недр семьи «с одной стороны, властителя, а с другой – понятие раба, как лат. famulus от familia», при этом различие «состояний, или классов, народа» объясняется нисходящей линией родства, «от одного прадедовского начала» [5, с. 156].

«Теория родового быта», которую в середине XIX в. пропагандировал Ф. И. Буслаев и на основании которой он стремился понять логику доисторических народов, отразившуюся в сюжетной линии о Риге, состояла в обосновании идеи об эмансипации укреплявшейся семьи от племени, или «целого поколения род-

ственников», с которым она прежде отождествлялась. Ф. И. Буслаев разделял мнение автора теории родового быта С. М. Соловьева, который, в отличие от подавляющего большинства историков первой половины XIX в., считал племя «подразделением рода», фактически приравнивая его к патриархальной семье. Термины «племя» и «семья» зачастую употреблялись им как синонимы [20, с. 43, 48].

В работе «Русский быт и пословицы» Ф. И. Буслаев, солидаризируясь с видным историком, высказывает мнение о неразделимости в сознании архаических народов понятий «семья» и «род-племя». Он пишет следующее: «Сначала быт семейный поглощался у славян племенным, входя в этот последний как главный, основной элемент. Поэтому самое слово племя у славян, как восточных, так и западных... означает не только поколение, но и семейство. На этой первой ступени своего значения племя имело при себе синонимом слово род, с тем, однако, отличием, что племенем означалась линия нисходящая, а родом – восходящая».

Таким образом, в тождественном выражении род-племя разумелись все родственные связи... Вследствие естественного размножения семей племя получило смысл целого поколения и как принцип выразилось в племенном быте» [9, с. 104].

В 70-х гг. XIX в. у Ф. И. Буслаева стало складываться иное представление о соотношении семьи, рода и племени. Анализируя надписи Дария I (V в. до н. э.), он выделил «низшую ступень» – жильё, состоявшее из одной семейной пары, или тягло. За ним следовали клан (15 пар), род (30 пар), община (50 пар). «Каждый из этих четырех союзов» имел своего главу: домовладыку, начальника рода и начальника общины. Из семьи – хранительницы «национальных преданий и религии» – все «священные знания» распространялись среди членов «родовых и племенных союзов» [3, с. 530, 531].

Когда это свершилось, «в противоположность народному, племенному началу выступает род со своими... аристократическими тенденциями» [9, с. 104], что со всей определенностью манифестировало об упадке первобытного строя, который стал клониться к своему закату.

Реальным авторитетом начали обладать герои, славившиеся здоровьем, силой, богатством и доставшейся им от небесных покровителей мудростью. К ним перешла власть над миром – «целой деревней, целым населением» [9, с. 105, 106].

Ориентация на «священную старину» с ее равноправием, простосердечием, незамысловатым бытом сородичей-соплеменников сохранялась как желаемый, но недостижимый на практике идеал, непрерывно раз-

рушавшийся каждодневными общественно-политическими реалиями. «Древнее поколение... должно было уступить место поколению новому» [11, с. 717], которое не боялось смело «расправиться» с отжившими порядками древнейших времен [12, с. 305].

Имущественное неравенство внутри первобытных коллективов Ф. И. Буслаев выводит как следствие уже возникшей социальной дифференциации и связывает с оформлением представлений о «собственности и владении», которые, в свою очередь, являются знаками глубоко укоренившегося земледельческого быта [9, с. 96].

Таким образом, он совершенно справедливо отмечал несоответствие во времени вертикальной и горизонтальной форм социальной градации общества и, кроме того, проводил идею развития первобытно-общинного строя, выделяя в качестве одного из главных факторов исторической динамики совершенствование форм материального быта доисторических народов. Создание «правильной» семьи с оформившейся гендерной и социальной иерархией Ф. И. Буслаев рассматривал как проявление исторического и нравственного прогресса, в котором прежде всего ценил «развитие духовных сил человека» [1, с. 500]. К этому главному для него критерию восхождения первобытных народов на ступень цивилизации он готов был добавить успехи в эволюции материальной культуры, особенно непреходящее значение земледелия, изменившего «мифическое воззрение» на мир [1, с. 494, 512, 513].

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства : в 3 т. – Т. 1. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 459-522.
2. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 355-376.
3. Буслаев, Ф. И. Клинообразные надписи Ахеменидов в издании профессора К. А. Коссовича. По соч. «Inscriptiones Palaco Persicae etc.» [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства : в 3 т. – Т. 1. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 523-552.
4. Буслаев, Ф. И. Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859-1860 г.) [Текст] / Ф. И. Буслаев // Старина и Новизна: исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. – М. : Синодальная типография, 1904. – Кн. 8. – С. 97-375.
5. Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию

[Текст] / Ф. И. Буслаев. – М. : В университетской типографии, 1848. – 211 с.

6. Буслаев, Ф. И. Песни древней Эдды о Зигурде и Муромская легенда [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 269-300.

7. Буслаев, Ф. И. Письмо к автору «Истории России» [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья и коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 439-469.

8. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 1-215.

9. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] / Ф. И. Буслаев [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 78-136.

10. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 308-354.

11. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – 1872. – № 10. Октябрь. – Т. 101. – С. 645-727.

12. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – 1873. – № 1. Январь. – Т. 103. – С. 293-329.

13. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 1-77.

14. Гуревич, А. Я. «Эдда» и сага [Текст] / А. Я. Гуревич, отв. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1979. – 192 с.

15. Дубровский, И. В. Средние века: структуры повседневности [Текст] / И. В. Дубровский // Всемирная история : в 6 т. – Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Наука, 2012. – С. 33-53.

16. Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) [Текст] / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров ; отв. ред. И. И. Ревзин. – М. : Наука, 1965. – 246 с.

17. Мелетинский, Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса [Текст] / Е. М. Мелетинский ; отв. ред. Г. В. Шатков. – М. : Наука, 1968. – 365 с.

18. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Генезис мифа в аспекте языкового мировидения: научное мнение Ф. И. Буслаева [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 199-205.

19. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Методологические подходы Ф. И. Буслаева к изучению мифологического сознания [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6. – С. 291-302.

20. Шаханов, А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты [Текст] / А. Н. Шаханов. – М. : Наука, 2003. – 419 с.

Reference List

1. Buslaev, F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom che-lovechestve = Guesses and dreams about primitive mankind [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva : v 3 t. – Т. 1. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 459-522.

2. Buslaev, F. I. Drevnejshie jepicheskie predanija slavjan-skih plemen = The most ancient epic legends of Slavic tribes [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 355-376.

3. Buslaev, F. I. Klinoobraznye nadpisi Ahemenidov v izdanii professora K. A. Kossovicha. Po soch. «Inscriptiones Palaco Persicae etc.» = The arrow-headed inscriptions od Akhemenids in Professor K. A. Kossovich's edition. Based on the composition «Inscriptiones Palaco Persicae etc.» [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva : v 3 t. – Т. 1. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 523-552.

4. Buslaev, F. I. Lekcii F. I. Buslaeva E. I. V. nasledniku Cesarevichu Nikolaju Aleksandrovichu (1859-1860 g.) = F. I. Buslaev' lectures H. I. H. (His Imperial Highness) to the successor Crown Prince Nikolay Aleksandrovich (1859-1860) [Tekst] / F. I. Buslaev // Starina i Novizna: istoricheskij sbornik, izdavaemyj pri obshhestve revnitelej russkogo istoricheskogo prosveshhenija v pamjat' imperatora Aleksandra III. – М. : Sinalod'naja tipografija, 1904. – Kn. 8. – S. 97-375.

5. Buslaev, F. I. O vlijanii hristianstva na slavjanskij jazyk. Opyt istorii jazyka po Ostromirovu evangeliju = About influence of Christianity on the Slavic language. Experiment of language history on the Ostromir Gospels [Tekst] / F. I. Buslaev. – М. : V universitetskoj tipografii, 1848. – 211 s.

6. Buslaev, F. I. Pesni drevnej Jeddy o Zigurde i Muromskaja legenda = Songs of ancient Edda about Zigurda and Murom legend [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 269-300.

7. Buslaev, F. I. Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii» = The letter to the author of «History of Russia» [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom che-lovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja i komment. A. L. Toporkova. – М. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN), 2006. – S. 439-469.

8. Buslaev, F. I. Russkij bogatyrskij jepos = Russian folk epic [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 1-215.

9. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovcy = Russian life and proverbs [Tekst] / F. I. Buslaev [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 78-136.

10. Buslaev, F. I. Slavjanskije skazki = Slavic fairy tales [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 308-354.

11. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii = Comparative studying of national life and poetry [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – 1872. – № 10. Oktjabr'. – Т. 101. – S. 645-727.

12. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii = Comparative study of national life and poetry [Tekst] /

F. I. Buslaev // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – 1873. – № 1. Janvar'. – T. 103. – S. 293-329.

13. Buslaev, F. I. Jepicheskaia poezija = Epic poetry [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb.: V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 1-77.

14. Gurevich, A. Ja. «Jedda» i saga = «Edda» and saga [Tekst] / A. Ja. Gurevich, otv. red. E. M. Meletinskij. – M.: Nauka, 1979. – 192 s.

15. Dubrovskij, I. V. Srednie veka: struktury povsednevnosti = Middle Ages: structures of daily occurrence [Tekst] / I. V. Dubrovskij // Vsemirnaja istorija: v 6 t. – T. 2. Srednevekovye civilizacii Zapada i Vostoka / otv. red. P. Ju. Uvarov. – M.: Nauka, 2012. – S. 33-53.

16. Ivanov, Vjach. Vs., Toporov, V. N. Slavjanskije jazykovye modelirujushhie semioticheskie sistemy (Drevnij period) = The Slavic language modeling semiotics systems (The ancient period) [Tekst] / Vjach. Vs. Ivanov, V. N. Toporov; otv. red. I. I. Revzin. – M.: Nauka, 1965. – 246 s.

17. Meletinskij, E. M. «Jedda» i rannije formy jeposa = «Edda» and early forms of the epos [Tekst] / E. M. Meletinskij; otv. red. G. V. Shatkov. – M.: Nauka, 1968. – 365 s.

18. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Genezis mifa v aspekte jazykovogo mirovidenija: nauchnoe mnenie F. I. Buslaeva = Genesis of the myth in aspect of the linguistic world view: scientific opinion of F. I. Buslaev [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. – 2018. – № 2. – S. 199-205.

19. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Metodologičeskie podhody F. I. Buslaeva k izučeniju mifologičeskogo soznanija = F. I. Buslaev's methodological approaches to study mythological consciousness [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2018. – № 6. – S. 291-302.

20. Shahanov, A. N. Russkaja istoričeskaja nauka vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: Moskovskij i Peterburgskij universitety = The Russian historical science of the second half of the XIX – the beginning of the XX century: Moscow and St. Petersburg universities [Tekst] / A. N. Shahanov. – M.: Nauka, 2003. – 419 s.